

Валдайские записки

#09 | Январь 2015

Хорошая новость, которую вы
не слышали, и кое-что ещё
(или Ненавязчивые
рассуждения)

Хакан Алтынай

Эволюция требует того, чтобы люди обращали внимание на движущиеся предметы. Если бы наши далёкие предки по ошибке сосредоточились на созерцании только медленных и неявных перемен в среде обитания, то долго бы не протянули и стали добычей хищников. Поэтому мы, их потомки, внимательно следим и за деятельностью Исламского государства, и за передвижением войск по Украине. Однако в 21-м веке мы бы совершили большую глупость, если бы обращали внимание только на движущиеся предметы. Как говаривал Эйнштейн, не всё то, что поддаётся наблюдению и измерению, достойно стать знанием, и не всё то, что достойно стать знанием, поддаётся измерению. В некоторых немаловажных случаях процессы протекают неявно, а причина и следствие разделены слишком многими пластами времени и пространства, чтобы их можно было мгновенно установить и подвергнуть причинно-следственному анализу. Тем не менее они существуют и заслуживают нашего внимания.

Одно из таких неявных, медленных и вместе с тем чрезвычайно важных изменений – это постепенное превращение человечества в одно большое самообучающееся сообщество. Последствия такого изменения окружают нас со всех сторон. Приведу несколько примеров. Когда-то мир делился на культуры, создающие блага, и культуры, отбирающие блага. А сегодня мы обсуждаем необходимые уровни налогообложения и регулирования, и ни одно общество не рассматривает разбой и грабёж в качестве надёжного пути к благосостоянию. Произошло ли в истории что-либо, что решающим образом повлияло на достижение такого консенсуса? Наверно, нет. Является ли данное обстоятельство причиной для того, чтобы не замечать важность этого консенсуса? Очевидно, что нет. Или возьмите, к примеру, смертную казнь. В девятнадцатом веке смертная казнь существовала почти во всех странах; сегодня же это наказание не применяется в 140 странах. Есть в этом, безусловно, заслуга и Международной амнистии, и различных органов Европы, но, скорее всего, это следствие куда более рассредоточенного обдумывания и постижения смыслов. Или проблема высокой инфляции и гиперинфляции. В 90-х годах прошлого века почти 40 государств мира находились под постоянным воздействием гиперинфляции. В последние десять лет она существовала только в Ираке и Зимбабве. Похоже, что плановые органы по всему миру признали достоинства финансовой осмотрительности. В 18-м веке один из шведских королей, вдохновлённый примером Оттоманской империи, решил создать орган по надзору за деятельностью правительства (управление омбудсмена). В наши дни подобные органы действуют более чем в 80 странах. Или разводы: 50 лет назад расторжение брака было запрещено в Бразилии, Чили, Италии и Испании. Сегодня запрет на развод существует только на Филиппинах. Похоже, мы постоянно пересматриваем основания того, что возможно и что желательно, и попутно изучаем поведение подобных нам существ во всём мире. В результате мы сформировали, по сути, самообучающееся сообщество и это, возможно, и есть лучшая новость на 2015 год.

Надо признать, что нам необходим такой процесс, ибо как ещё преодолевать коварные воды и минные поля нашей взаимозависимости. Их называют «беспаспортными проблемами» и таких проблем множество. В наши дни, например, это лихорадка Эбола, а если говорить о классическом случае, то проблема изменения климата. Однако подобных центростремительных сил, которые преодолевают общепринятые границы и перемешивают наши судьбы, гораздо больше. Когда финансовый сектор США производит недоброкачественный продукт, или когда управление государственными финансами Греции

не соответствует должному уровню, то последствия ощущаются во всём мире. Когда в надежде поправить здоровье детей индийские матери чересчур усердно налегают на антибиотики, они тем самым повышают вероятность появления инфекции, устойчивой к лекарствам в других частях мира. Когда внедряющийся вид из одной части света приплывает в другую в балластовой цистерне огромного контейнеровоза, то угроза нависает над морской флорой и фауной во всех её гаванях и смежных морях. Факт применения какой-либо страной оружия массового поражения способствует размыванию норм и общественного неприятия подобных действий. То, как содержатся птицефермы в Таиланде или свинофермы в Китае, даёт всем людям в мире повод для беспокойства о своём здоровье, поскольку 80% инфекций поражают как животных, так и людей, а при скученном содержании животных увеличивается вероятность мутаций и возникновения очередной пандемии. Морские биологи сообщают, что теперь они находят частицы пластмассы в рыбе, выловленной во всех частях мира. Мы обращались с океанами и морями как если бы они были одной гигантской фабрикой по переработке мусора и теперь начинаем употреблять в пищу, пусть пока и в мизерном количестве, отходы жизнедеятельности друг друга. Однако объёмы такого потребления неумолимо растут.

А теперь вернёмся к изменению климата, абсолютной центростремительной силе. Ничто не нарушило непроницаемости национальных границ так, как фактор изменения климата. Промышленные выбросы в атмосферу на другом конце мира оказывают на климат такое же воздействие, как и выбросы в городе, где вы живёте. «Далеко» ли, «близко» ли - больше не имеет значения. Даже самая мощная держава не столь сильна, чтобы отгородиться от последствий деятельности других стран. Нашему самообучающемуся сообществу понадобятся единое сознание и единый язык для дальнейшего анализа этих грандиозных проблем.

Под влиянием беспаспортных проблем и центростремительных сил сложился мир, в котором мы живём бок о бок с миллиардами таких же людей, как мы. У нас одна общая планета и в перспективе общая судьба, но мы живем в своих странах, и наша жизнь регулируется своими гражданскими процессами. Другими словами, мы привыкли думать, что являемся хозяевами собственной судьбы, тогда как наша жизнь всё больше зависит от других людей. Как выстроить не только наши собственные судьбы, но и общую судьбу – вот, наверно, самый трудный и самый насущный вопрос нашего времени.

Разумеется, у нас есть несколько рабочих вариантов решения этой эпохальной проблемы взаимозависимости. Один из них подразумевает, что мы ничего не делаем и продолжаем верить, что международными делами можно вершить так, как если бы страны были прочны, как бильярдные шары, и вступали в нечастые, но предсказуемые контакты друг с другом. Второй вариант – надеяться на то, что управление мировыми делами будет улучшаться стараниями блестящих технократов на основе совершенствования институционального планирования. Я не убеждён, что искомой цели можно достигнуть с помощью этих методов. Растущее перемещение капиталов, идей, товаров и людских масс, порождающее упомянутые выше энергии, отправило модель бильярдного шара на свалку истории. Многочисленные уровни глобального управления действительно содействовали налаживанию широкого сотрудничества. Однако вызовы, с которыми нам придётся столкнуться в связи с изменением климата и «ответственностью по защите», а также глубина нашей растущей

взаимозависимости требуют создания более фундаментальной и прочной структуры, нежели та, которую способны обеспечить технократы. Необходимо подлинное и полноценное взаимодействие.

Мы должны воспитать в себе гражданственность, став достойными гражданами мира. Долгое время гражданским образованием считалось скучное изучение принципов работы правительственных учреждений. Однако в своей основе гражданственность – это то, что мы делаем для совместного управления нашим общим достоянием. Имеется в виду потребность в совместном созидании и освоении областей, где мы зависим друг от друга. Государственные учреждения – это следствия, а не причины нашего чувства гражданственности.

Вдумайтесь, например, в слова приветствий, с которыми мы обращаемся друг к другу. Мы произносим приветствия автоматически, не задумываясь. Однако в них заключен глубокий смысл. Во всех трёх авраамических религиях приветствия имеют один общий признак. В исламе, христианстве и иудаизме и «ас-салямю алейкум», и «пакс вобис», и «шалом алейхем» означают «мир вам». Кстати, ритуал отдания воинской чести основан на обыкновении показывать, что у вас не имеется при себе оружия и что вы пришли с миром. Считается, что и обычай пожимать при встрече руку имеет в основе сходное намерение показать, что обе стороны не вооружены и не замышляют зла. В Индии «намасте» означает «я вас почитаю» и ответом служат те же слова. В Южной Африке «савубона» означает «я вижу вас». Все эти общие черты важны и говорят о многом. Человечество, похоже, пришло к заключению, что лучший способ начинать взаимодействие – это подтвердить, что все участники общения признают и уважают друг друга и никому не нанесут вреда. В известном смысле, это заключённый в наших приветствиях «код Да Винчи».

Ещё больше смысла этот код приобретает, если посмотреть на проблему в исторической перспективе. Мы не всегда приветствовали незнакомцев такими словами. В своей недавно вышедшей книге «Мир, каким он был до недавнего времени» (The World Till Yesterday) Джаред Даймон описывает мир наших предков, которые вели племенной образ жизни. В этом мире люди подразделялись на три категории: друзья, враги, и чужаки. Что делать с друзьями и врагами, в общем, понятно. Главный вопрос – как поступать с чужими. Даймонд показывает, что к чужакам, в сущности, относились как к врагам, поскольку особых причин для общения с ними не было. Похоже, что своё детство человечество провело в мире, где большинство незнакомцев считались врагами. Постепенно мы создавали более сложные социальные и географические образования и уже не могли считать чужих плохими людьми, так как нуждались в их помощи и сотрудничестве. Поэтому нам пришлось выработать обычаи и нормативно-правовую базу, исключая причинение вреда, а также признать и подтвердить равенство всех участвующих сторон. Кант, например, исследовал право на гостеприимство в своём классическом труде 1795 года «К вечному миру», где постулировал право каждого человека надеяться на то, что с ним не будут обращаться как с врагом только потому, что он незнакомец. Следовательно, вопрос, стоящий перед нашим всё более взаимозависимым миром, заключается в том, сможем ли мы (и если сможем, то каким образом) найти способ наладить отношения не только с теми, кто находится в поле зрения, но и с миллиардами людей, которые живут далеко, но также являются соавторами нашей судьбы.

К счастью, у нас имеются дополнительные резервы порядочности и гражданственности. Нам без конца говорят о якобы животной природе и поведении человека. С детства мы видим документальные фильмы о природе, в которых животные рвут друг друга на части. По-видимому, кто-то надеется внушить нам, что естественным законом жизни является выживание любой ценой. В институте у многих из нас был курс политической теории, изучая которую мы познакомились с работами Томаса Гоббса. Он утверждает, что человек человеку – волк, а единственный способ получить власть над зверем – это подчиниться более крупному зверю, левиафану. Вспоминается и то, что Адам Смит советовал нам, готовя обед, рассчитывать не на благотворительность мясника и бакалейщика, а на их шкурный интерес. Специалисты по международным отношениям громогласно обличают великие державы: они-де всегда были опасными и безответственными игроками и ничто не в состоянии помешать им оставаться таковыми в дальнейшем. И тем не менее никто не смог убедить нас в том, что люди должны вести себя как звери. Возьмите игру «Ультиматум». Там одному из участников выдают на руки 100 долларов и предлагают, чтобы он поделился с другим участником. Игра называется «Ультиматум» потому что второй участник не в состоянии повлиять на размер предлагаемой ему суммы и потому ему по сути дела предъявляют ультиматум. У него всего два варианта: либо принять сумму, либо её отвергнуть. В последнем случае оба остаются ни с чем. Если бы мы все были уверены в животной натуре других людей, то было бы логично ожидать, что сумму станут заурядно делить в соотношении 99 к 1. Первый участник сглупил бы, если бы предложил второму сумму, превышающую 1 доллар, так как его корысть заключается в том, чтобы взять как можно больше; второй участник сглупил бы, отказавшись от 1 доллара, так как это всё же лучше, чем ничего. Но за те тридцать лет, что данный эксперимент проводится во всех уголках мира, было замечено, что мы поступаем совсем иначе. Соотношение составляет в среднем 55 к 45; это, конечно, не 50 к 50, но достаточно близко. Ещё более показательным то, что соотношение 75 к 25 рутинно отвергается вторым участником – поступок, казалось бы, вполне иррациональный, если бы нашим единственным жизненным кредо было только извлечение максимальной выгоды. Впрочем, многие из нас, похоже, даже готовы пострадать, лишь бы не допустить вопиющей несправедливости. Видимо, мы интуитивно чувствуем, насколько важна справедливость, хотя нас этому никто не учил. У этой игры есть другая разновидность: первому участнику вновь вручают 100 долларов и говорят, чтобы он поделился со вторым, но на этот раз у второго нет права отвергнуть предложенную сумму, т.е. отсутствует право вето. В этой игре, которая называется «Диктатор», соотношение сумм составляет в среднем 70 к 30, а четверть участвующих предлагают 50 долларов и даже больше, хотя наказания, предложи они 100 к 0, для них не предусмотрено. Так что же происходит? Может быть, мы вовсе и не корыстные твари?

К счастью, учёные не переставали задавать эти вопросы и после Гоббса со Смитом. Эдвард Уилсон, например, доказал, что эволюционное преимущество наличествует у эгоистичных индивидуумов, но также и у солидарных групп. Не потому ли мы противостояем явной несправедливости, невзирая на то что порой за это приходится претерпеть расплату, и проявляем гораздо больше щедрости, чем свойственно закоренелым эгоистам? Роберт Аксельрод решил выяснить, как без воздействия центральной власти может налаживаться сотрудничество, и разработал экспериментальные модели, которые показали, что наиболее успешными и гибкими являются стратегии, которые начинаются с сотрудничества и включают периоды сотрудничества и отказа от сотрудничества. Иными словами, до

определенного предела верить в человека не только не глупо, но и разумно. Элинор Остром продемонстрировала, каким образом мы без участия всемогущего государства налаживаем сотрудничество и ставим на место эгоистичных паразитов. За эту работу ей присвоили Нобелевскую премию. Она показала, что принадлежность к одним и тем же нормативным и социальным сообществам, посещение одних и тех же кафе и баров, стремление завоевать авторитет, следуя одним и тем же правилам, создаёт предпосылки для обязывающих общественных договоров. Другие экспериментаторы доказали, что для нас важно мнение о нас наших коллег. Когда в одном учреждении над коробкой для взносов на общественную кофеварку прикрепили фото с изображением глаз человека, пожертвования существенно возросли. Мы научились не только отвечать взаимностью, но и учитывать точку зрения и взгляды наших коллег. Мы знаем, что не можем выживать и преуспевать без взаимодействия с коллегами. Наиболее известные доводы в пользу такой постановки вопроса приведены Ювалем Ноем Харари в книге «Разумный» (Sapiens): он доказывает, что ни один другой представитель биологического вида не взаимодействует со столь значительным числом своих сородичей и не использует в этих целях так много гибких методов. Ни одно другое свойство человека, утверждает Харари, не способно объяснить, почему мы занимаем присущее нам место в пищевой цепочке. Может быть, именно поэтому во многих философских и религиозных учениях человечество характеризуется как взаимозависимая система. Десмонд Туту считает традиционное африканское мировоззрение «убунту» воплощением принципа «я есть, потому что мы есть». Категорический императив, «золотое правило», «васудева кутумбакам» суть отражения соответствующего умонастроения.

Существует ещё один эксперимент, с помощью которого проверяются ритмы нашего настроения на сотрудничество. Это «игра в общественное благо», в ходе которой пяти или более участникам вручается по 100 долларов с условием, что любой взнос в общую копилку будет увеличен на 50%, а образовавшуюся сумму поделят поровну между всеми членами группы. Как можно заключить из игр, описанных ранее, кто-то жертвовал значительные суммы, кто-то небольшие или совсем ничего. Эксперименты показали, что в первом круге взносы составляли в среднем около трети выданной суммы. Но когда игра пошла по второму, третьему кругу и далее, добровольные пожертвования стали сокращаться. Мы готовы проявлять солидарность, но не хотим, чтобы нас дурачили: когда мы видим, что кто-то вносит меньше нас и наживается на нашей щедрости, то это противоречит нашим понятиям о равноправии, и мы сокращаем взносы. Увеличить объём добровольных пожертвований и поддерживать их на определённом уровне помогли две меры: участникам было позволено наказывать (пусть и с убытком для себя) прижимистых игроков и общаться друг с другом. Баулз и Гинтис пишут в своём исследовании «Сотрудничающий вид» (A Cooperating Species), что наши лингвистические возможности позволяют нам формулировать социальные нормы, сообщать эти нормы вновь прибывшим, привлекать внимание других к их нарушению и создавать коалиции для наказания нарушителей. Похоже, что нормы выявляются и объясняются посредством общения.

Юристы и подавляющее большинство экономистов долгие годы убеждали нас в том, что нам необходимы контракты, обеспеченные правовой санкцией. Однако нам необходимо также научиться больше доверять друг другу, без чего не может функционировать ни одна система. Мыслителем, обосновавшим верховенство доверия, был Конфуций. В «Аналектах» (XII.7) есть

блестящий пассаж, в котором сравнивается важность для жизни человека безопасности, пищи и доверия. Заканчивается он утверждением, что доверие важнее и безопасности и пищи, поскольку ни безопасность, ни пища не могут быть обеспечены без минимальной степени доверия. Клаус Оффе пишет, что без доверия невозможны координация и сотрудничество, так как и то и другое предполагает существование побуждающих представлений, отношений и ожиданий. Вообразите все те многочисленные обстоятельства, в которых нам ежедневно приходится оказывать кому-то доверие: мы верим, что некто удостоверился в безопасности воды, которую мы пьём, и в том, что имеется её достаточный запас на будущее. Мы надеемся, что некто контролирует работу банков, чтобы наши вклады стоили больше, чем бумага, на которой напечатаны выписки из банковского счёта. Мы верим, что самолёт, на котором мы собираемся лететь, отвечает определённым требованиям и не развалится в полёте. Мы надеемся, что кто-то позаботился о том, чтобы программы, по которым учатся наши дети, в достаточной степени соответствовали будущим потребностям рынка труда. Мы надеемся, что дороги, по которым мы ездим, спроектированы с учётом стандартов безопасности, что на дороге не будет поворотов под углом 90 градусов и что на перекрестках зелёный свет светофора не зажжется одновременно для всех автомобильных потоков. Мы ложимся спать с верой в то, что здания, в которых мы живём, выдержат напор воды при наводнении и не разрушатся при землетрясении, и что их стены сделаны не из асбеста и не насыщены радоновыми газами. В повседневной жизни мы исходим из того, что, став жертвой преступления, мы всегда можем прибегнуть к помощи полиции и суда, которые будут руководствоваться законом и нормами права, а не расчётами на личное обогащение и денежное вознаграждение. Мы надеемся, что напечатанные десятым кеглем на 27 страницах правила и условия договора на получение кредитной карты, присвоение адреса электронной почты, прокат автомобиля или открытие страницы в Фейсбуке, не являются грабительскими. Мы рассчитываем, что лекарства, которые мы принимаем, и курс лечения, который нам назначили, основаны на новейших достижениях современной медицины. Этот перечень можно продолжать бесконечно, и он никогда не будет исчерпывающим. Международное разделение труда, лежащее в основе нашего процветания и благополучия, заставляет нас доверять всё большему числу людей. Стимулирование и поддержание такого доверия – ключ к преуспеванию, а методы, которые мы можем для этого использовать, более чем очевидны.

Мы должны восполнять, а не истощать имеющиеся ресурсы добросовестности и благопристойности. Начинать надо именно с этого. По мнению Кваме Эппайе, мы без особого труда можем согласиться с тем, что имеем определённые обязательства по отношению к другим людям; что мы не должны проявлять по отношению к ним жестокость и должны вмешаться и помочь, если их положение окажется невыносимым и такая поддержка не потребует от нас больших жертв. Щекотливый вопрос заключается в том, есть ли у нас иные обязательства? Чтобы ответить на него, Эппайе предлагает прибегнуть к многовековой практике спасительной беседы. К этому предложению стоит прислушаться нам всем. Также не помешает избавиться от гордыни. Любое явное или неявное проявление высокомерия способно разрушить столь необходимое нам доверие и взаимопонимание. В наше время более востребованы такие качества, как любознательность и искреннее стремление к общению. Об авторах:

Хорошая новость, которую вы не слышали, и кое-что ещё
(или Ненавязчивые рассуждения)

Об авторе:

Хакан АЛТЫНАЙ является президентом Всемирной академии гражданственности и приглашенным старшим научным сотрудником Брукингского института.